

Э.И. Колчинский. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом).

СПб.: Нестор история, 2007. 638 с.

Книга посвящена анализу состояния биологии в странах – участницах мировых войн с тоталитарным типом правления – Германии и СССР. Тяжелейшие военные разрушения привели к сокращению численности населения, вызвали революционные преобразования, изменения социально-политического строя, духовной сферы, включая религию, искусство, политику, мораль, этику и науку. Отказ от культивируемых со времён Ренессанса ценностей рационализма и гуманизма сопровождался расцветом мистики, шовинизма, национализма, приматом интересов государства и общества над личностью. Этот надлом в развитии духовных ценностей вызвал неоднозначное поведение учёных разных стран. Ценой нравственных и политических компромиссов и даже жертв они пытались спасти науку в тоталитарных политических системах и диктаторских режимах. В отечественной историко-научной литературе после краткого периода ликвидации так называемых “белых пятен” и обличения партийно-государственного аппарата, приведшего к разгрому многих отраслей науки, в целом доминируют концепции “героев и злодеев российской науки”, “людей в белых одеждах” и “бескомпромиссных и неподкупных искателей истины”. Традиционным стало сравнение евгеники в двух странах с подчёркиванием гуманистического начала в трудах отечественных авторов по сравнению с западными человеконавистническими идеями, осуществление которых привело в конце концов к геноциду народов. Остаётся в стороне роль самих биологов в идеологизации и политизации их науки, а тем более их моральная ответственность за произошедшее.

Автор рецензируемой книги даёт ответы на вопросы о роли представителей биологии в реализации политики своих правительства, он рассматривает тему об использовании результатов их исследований для достижения властью своих целей, а также о том, как сами учёные извлекали для себя выгоду из государственных систем обеих стран, какую роль сыграли биологи-эксперты при формировании коммунистической и национал-социалистической политики и как власти предержащие использовали научную экспертизу, в какой мере учёные были не только экспертами, но и разработчиками инструкций по эвтаназии и геноциду.

Рецензируемая работа представляет собой уникальный труд в области социально-исторической науки. На примере развития биологии двух стран показана динамика взаимодействия науки, власти и общества, процессы становления диктатуры пролетариата, формирования нацизма и милитаризации. Роль биологии в этих процессах не случайна: она необходима человеку для развития сельского хозяйства, здоровья (медицина), а также способов сохранения антропологической, генетической и этнической идентичности. Познание биологических основ человека должно было бы обеспечить единство естественных и общественных наук в решении глобальных национальных проблем, возникающих перед страной с любым типом государственного устройства в период кризисов, и тем самым влиять на политику того или иного государства. Этот аспект нашёл отражение в монографии социального историка науки Э.И. Колчинского, известного специалиста и в области эволюционной биологии. Наряду с традиционным рассмотрением вопроса о том, как власть влияла на науку, в книге уделено внимание влиянию биологов на социально-политические события и участию в них, а также в создании ряда очень важных с исторической точки зрения социально-политических феноменов, в частности неизвестного “лысенкоизма”. На примере работ немецких генетиков, антропологов и расовых гигиенистов сделана попытка определить степень ответственности учёных за преступления нацистов.

В книге на основе использования богато документированного исторического материала рассмотрен широкий диапазон научных дисциплин, школ и направлений биологии применительно к историческим событиям XX в. Центральное место в таком анализе занимают генетика, антропология, евгеника и её немецкая разновидность – расовая гигиена, использовавшиеся в той или иной мере для обоснования национализма, расизма. Применительно к СССР речь идёт об эволюционной теории, которую оценивали нередко как естественно-научную основу марксизма; в то же время в форме социал-дарвинизма она стала одним из истоков национал-социализма. В книге вскрыты механизмы реакции научных сообществ на запросы времени путём выдвижения опасных социально-политических утопий, подхватывавшихся впоследствии политиками как слово науки. Показательны в этом отношении деятельность

еволюциониста Э. Геккеля – идеолога социал-дарвинизма и пропагандиста биологической неравноценности человеческих рас, книга “Очерки по учению о наследственности человека и расовой гигиене”, выдержанная пять изданий в Германии и переведённая на несколько языков, – совместный труд генетика Э. Баура, антрополога О. Фишера и расового гигиениста Ф. Ленца. Идейная направленность этого научного сочинения оказала прямое влияние на формирование идеологии и практики нацизма, что было использовано для обоснования массовых расстрелов евреев, цыган, поляков и русских. Известно, что, работая в тюрьме над книгой “Майн кампф”, Гитлер штудировал этот труд, переписывал целые страницы из него почти без изменений. Некоторые биологи легко меняли политические и идеологические взгляды, приспосабливаясь к текущему политическому моменту. Крупный ботаник и эволюционист В. Циммерман, оставаясь беспартийным, пережил смену четырёх политических эпох, но всякий раз снабжал свои труды нужными идеологическими цитатами.

Исследуя пути идеологизации и политизации биологии в условиях нацистского и коммунистического режимов, автор монографии показывает, как трансформировались биологические исследования в создавшихся в Германии и России экономических и социально-политических условиях и в контексте новых идеологических потребностей. Существовавшие в период Веймарской республики тесные связи учёных обеих стран с установлением “железного занавеса” постепенно сошли на нет. Автор показывает, как идеологические противовесы парализовывали обмен информацией и направляли исследования в сторону извращённых представлений, зачастую приводя к искажению сущности научного знания.

Особую ценность представляет использование в книге архивного материала из фондов Германии, большая часть которого была ранее недоступна. Достоинством является глубоко продуманная и изысканная стилистика повествования. Кроме того, становится ясно, насколько далеко немецкие коллеги продвинулись в изучении репрессий в биологии по сравнению с российскими историками науки. Если в Германии точно известно число уволенных, эмигрировавших и казнённых, то в отечественной литературе приводятся одни и те же фамилии, хотя счёт шёл на сотни и тысячи репрессированных. Только в одном Всеобщем институте растениеводства, возглавляемом Н.И. Вавиловым, расстрелянных или погибших в лагерях было на порядок больше, чем во всей Германии, где уничтожено два биолога: Г. Прижбрам – по расовым соображениям и В. Арндт – за пораженческую пропаганду.

Безусловным достоинством книги представляется анализ социальной истории биологии на примере судеб многих учёных, таких как Э. Бару, А. Бутенандт, Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, О. Фишер и другие. Рассматривая историю ряда отраслей биологии и судьбы их создателей в Германской империи, Веймарской республике и Третьем рейхе, автор показывает не только уровень развития науки, но и эволюцию её форм организации, что вело к национал-социалистической научной политике, к снятию запретов на умерщвление тяжелобольных и неугодных в расовом и политическом отношении. В итоге военнопленные, больные превратились в материал для антропологов, биологов, психиатров и генетиков, специалисты стали участвовать в экспериментах, которые ранее представлялись немыслимыми по этическим соображениям.

В книге речь идёт и о весьма полезном опыте нового поколения западных историков науки (П. Вайнгардт, Дж. Вейндлинг, Ю. Дайхман, М. Катер и др.), которые начали рассматривать немецких биологов не только как жертв событий, но и как их активных участников, а порой и инициаторов. Становится ясно, что недостаточно проводить простые аналогии между пролетарской биологией в СССР и арийской – в нацистской Германии, как это было свойственно ряду публикаций времён перестройки в России. Поверхностное сопоставление исторически несводимых феноменов неизбежно ведёт к неправомерному отождествлению разных по своей социально-политической природе явлений, к игнорированию социально-культурных и исторических особенностей различных стран и развитию там науки. Упускаются из рассмотрения многие неоспоримые факты, в частности тот, что в СССР процент биологов, состоявших в рядах правящей партии, никогда не был таким высоким, как среди немецких учёных (около 58%, не считая членов СС, СА и нацистского союза доцентов), устремившихся в НСДАП сразу же после прихода Гитлера к власти.

Весьма важным представляется применение в книге методов проникновения в прошлое, позволивших не только охарактеризовать конкретные механизмы выживания и подчас относительного процветания в тоталитарных режимах отдельных естествоиспытателей, но и понять основные причины сохранения научными сообществами целостности и статуса и в значительной степени научной методологии и идеалов свободного научного поиска. Так, рассматривая различные попытки построения неких вариантов “арийской” или “пролетарской” биологии, Э.И. Колчинский показывает, что нередко они служили лишь формой мимикрии или адаптации научного сообщества к требованиям режима. Под влиянием социально-

политических условий менялось прежде всего поведение учёных, административные принципы и формы организации научных исследований и научных институтов, тогда как собственно наука и научные подходы оставались, по сути, независимыми от социально-политических условий.

В книге впервые затронут ряд острых моментов в истории отечественной биологии, ранее обходившихся стороной в историко-научной и публицистической литературе. Речь идёт об отдельных высказываниях А.П. Богданова в духе расовой теории, о крайнем национализме автора гипотезы о симбиогенезе К.С. Мережковского. Исходя из вроде бы благих мотивов, забывают, что умолчание ведёт к искажению исторической истины, облика учёных и картины науки в целом, созданию новых, подчас не менее опасных, чем старые, мифов и предрассудков. На огромном массиве документальных и литературных источников, в первую очередь антропологических работ, в книге показано, что никакой особой русской расовой теории просто не было, как, впрочем, не было её и в Германии. Всё, что известно под этим названием, представляет собой в лучшем случае совокупность разрозненных и противоречащих друг другу политизированных воззрений и высказываний, причём не подкреплённых научными фактами.

Социально острый аспектом, затронутым в монографии Э.И. Колчинского, является проблема охраны генетического здоровья нации, воспринимаемой из-за преступлений расовых гигиенистов резко негативно. Между тем в нацистской Германии наряду с извращениями и преступлениями выдвигались программы позитивного характера, предусматривавшие меры по сохранению физического здоровья нации, борьбе с алкоголизмом и курением, интенсивные исследования причин злокачественных заболеваний.

Издание богато иллюстрировано уникальными фотодокументами, многие из которых до недавнего времени не могли быть опубликованы, но уже не из-за цензурных препятствий, а по соображениям "политкорректности".

Монография является честным историческим трудом, повествующим о веке ушедшем и дающим повод к размышлению о том, насколько человечество окажется способным учесть горькие уроки прошлого. Книга, безусловно, привлечёт внимание тех, кто интересуется социальной историей науки и отечественной историей.

*Ю.В. НАТОЧИН,
академик*

**Ю.А. Поляков. Историзмы. Мысли и суждения историка.
2-е изд., испр. и доп.**

М.: Собрание, 2007. 126 с.

Вышло в свет второе издание книги известного российского учёного академика Юрия Александровича Полякова "Историзмы. Мысли и рассуждения историка". Слово "историзмы" – неологизм. Его можно расшифровать как афоризмы на исторические темы. Подобная необычная литературная форма не может не привлечь внимание читателей.

Сейчас в нашей стране заметна тяга к афористическому мышлению и соответствующей литературе. Возможно, это ответная реакция на толстые тома книг, одолеть которые и даже держать в руках весьма непросто. Может быть, это объясняется стремлением в наш неуёмный век получать максимальную информацию наиболее быстрым путём на минимальном литературном пространстве. Многие предпочитают сегодня яркую мысль, максимально лаконичный текст, ясный, не затуманенный многословием. Конечно, далеко не каждый автор способен написать афоризмы.

Здесь необходима глубина проникновения в суть предмета, умение концентрированно выражать свою мысль, обладать литературным даром, способностью использовать неожиданные, красочные запоминающиеся сравнения, сопоставлять, казалось бы, порой несопоставимое, широта научного, философского, художественного кругозора, чувство меры, масштабный взгляд на процесс развития науки и общества, умение делать открытия в своей области. Академик Ю.А. Поляков, на мой взгляд, обладает всеми этими способностями.

Очень важно, что автор – ведущий специалист в области отечественной истории и глубины проникновения в суть исторических событий ему не занимать. В книге мы имеем дело с афористическими высказываниями автора по самым различным вопросам. Но наиболее интересные афоризмы – по проблематике истории России.